

Анна Рейнс

Делай свой ход, Королева

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Иллюстрация *shark*

Художественное оформление *К. Муравьевой*

Рейнс, Анна.

Р35 Делай свой ход, королева / Анна Рейнс. — Москва : Эксмо, 2027. — 416 с. — (Инквизитор. Любовь обжигает).

ISBN 978-5-04-248657-9

Ассия, дочь предателя, возглавившего мятеж, оказалась в руках инквизиторов. Они пытались сломить ее, не понимая, что лишь закаляют ведьму и превращают ее в еще более опасное оружие.

Теперь Ассия возвращается в королевский замок — только для того, чтобы снова стать пешкой Эйдена, захватившего власть в Аэлории. Он обещает освободить ее от клятвы подчинения и дать место в совете, но Ассия хорошо понимает: право на выбор — лишь иллюзия. Королю не отказывают, и Эйден скорее уничтожит ее, чем позволит уйти.

Тем временем враги Аэлории подбираются все ближе, готовясь объявить войну. Ассии предстоит сложный выбор: отомстить мужчине, что использовал ее ради власти и разбил ей сердце, или объединиться с ним ради спасения королевства. И любой ценой не допустить того ужасного будущего, в котором она умрет с короной на голове.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248657-9

© Анна Рейнс, текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ПРОЛОГ

Все должно было пойти совсем не так.

Разве это не я исполнила предназначение, спасая даже тех, кто подобной чести не заслуживал? Остановила настоящего монстра, рискуя собственной жизнью? Тогда почему *мои* руки в кандалах, а *он* снова смотрит на меня своими равнодушными глазами цвета штормового неба?

Ответ лежит на поверхности, но мозг отказывается его принимать. Он инквизитор, чье сердце отравлено ненавистью к подобным мне. В его глазах я — воплощение зла и ведьминское отродье. И нет для меня иной участи, кроме смерти.

После всего того, что между нами еще не случилось, я встретилась, возможно, с худшей его версией — той, что не знает пощады и одержима лишь одной целью: отомстить, наказать, использовать.

Обстановка мне давно знакома. Хотя нет, в моем прошлом и его будущем она была вполне даже ничего. Сейчас же здесь нет даже мало-мальски приличной кровати — лишь соломенная подстилка на скрипучих досках, издающих неприятный звук каждый раз, стоит мне пошевелиться. Цепи стягивают мое одеревеневшее тело, словно я дикий, опасный зверь. Раньше я бы с этим утверждением согласилась, но теперь уже начинаю сомневаться, кто здесь настоящий монстр.

Мой мучитель сидит прямо на полу, скрестив ноги, и угрюмо рассматривает мою спину. Я не вижу его взгляда, но чувствую.

Эйдену сложно поверить в то, что мне пришлось рассказать. Пытки, к счастью, закончились, и сейчас мой язык развязывает лишь клятва, которой Эйден научился пользоваться. Очень вовремя.

В моем рту смешались соленый вкус слез и металлический — крови. Тело дрожит: то ли от страха, то ли от гнева, а в голове бьется лишь одна мысль.

Я. Его. Ненавижу.

— Ассии оре Дисгат сейчас и правда двенадцать лет, — задумчиво произнес он. Затем отвел взгляд куда-то в сторону, словно ему было неприятно смотреть на мою сгорбленную фигуру.

Я была только рада. Его внимание теперь ассоциировалось лишь с болью.

Я тяжело дышала, отвернувшись к стене. Влажные волосы облепили лицо, глаза закрыты. Чудовище растворилось, отдавая мне силы и знания, так что теперь мне даже пожаловаться некому.

— Я лишь одного не могу понять. — Судя по интонации, Эйден обратился ко мне. Мое сердце на секунду дало сбой, чтобы вновь забиться с немыслимой силой.

— Я все рассказала. — Мой голос сорван от криков, слова вырываются с трудом.

— Мы будем... как-то близки? В том будущем, что ты описала?

Вот он, вопрос, что я всеми силами пыталась избежать.

— О нет, Эйден, — хрипло протянула я. — Поверь, между нами такая пропасть, что и за десять жизней не преодолеть. В будущем ты обручишься с Эмили Даррен, которую будешь безумно любить. Все в королевстве станут воспевать ваши чувства.

— Эмили? — равнодушно произнес он с явным узнаванием. — Хм, допустим.

Несколько минут ничего не происходило. Я начала проваливаться в странное состояние между явью и сном. Эйден резко встал, вырывая меня из него.

— Мне надо кое-что проверить, — хмуро объявил он. Я медленно открыла глаза и развернулась, насколько позволяли путы, облепившие тело. Инквизитор развел бурную деятельность и теперь хлопал дверцами шкафчиков, доставая из них какие-то артефакты и склянки. — Меня не будет несколько дней.

— Дней? — с надрывом в голосе переспросила, не зная, то ли радоваться, то плакать. Паника все же победила. Умирать от голода и жажды, закованной в цепях, — то еще удовольствие. Уж лучше бы он всадил клинок мне в горло прямо сейчас. Достойное получится завершение нашей истории!

Ах да, он же не может. Чертова клятва. Почему сейчас это вызывает расстройство, а не облегчение?

— Я попрошу кого-то из братства присмотреть за тобой, — как бы между делом бросил он с противоположного конца комнаты. — После решу, что с тобой делать.

Его голос звучал устало, словно моя компания действительно начала его утомлять.

— Уверен, что твои соглядатаи не прикончат меня раньше?

— Не уверен.

Хлопнула входная дверь, и я осталась одна.

ГЛАВА 1. НЕПРАВИЛЬНО

Обо мне вспомнили через два дня. Входная дверь распахнулась, впуская яркий солнечный свет и потоки свежего воздуха, а на пороге появился мужчина средних лет в темных инквизиторских одеждах. Лицо его хмурое, неприветливое, глаза рассматривают меня с нескрываемым интересом.

Я посмотрела на открывшийся мне кусочек леса за его спиной, отмечая зеленую траву, полуденный свет и пение птиц. Лето. Как же мне повезло, что сейчас лето и к моим страданиям не добавился собачий холод. Хотя о каком везении вообще может идти речь?

Мои губы высохли и растрескались, тело онемело от длительного пребывания в лежачем положении. Все последние дни я только и делала, что пыталась расшатать антимагическую цепь, раздирая кожу до мяса. Как это было с браслетом, цепь дымилась, соприкасаясь с кровью, но не сдвинулась ни на миллиметр.

— Ну и вонь здесь стоит, — заявил мужчина, открывая дверь пошире. На глаза навернулись сле-

зы унижения. Последние два дня были для меня сущим кошмаром, а его насмешка грозилась вот-вот стереть последнюю границу, за которой я все еще могла скрывать эмоции.

— Красивая девка. — Мужик подошел поближе и, смачно харкнув, плюнул мне куда-то на волосы. Я непроизвольно забилась в своих путах, провожая его взглядом, полным ненависти. — Что вылупилась?

Он мерзко хохотнул и принялся выкладывать принесенные припасы из не замеченного мною ранее наплечного мешка. Поставил их прямо перед моим лицом — всего лишь на расстоянии вытянутой руки. Мое горло конвульсивно сжалось, когда я узрела флягу, стенки которой покрывали капли конденсата.

На лице инквизитора застыло выражение глумливого ожидания, и я внезапно поняла, для чего это все. Хочет заставить меня умолять, биться в цепях в попытке дотянуться до вожделенной трапезы — корки хлеба да ключевой воды, что сейчас мне казались привлекательнее самых изысканных творений королевского повара.

«Подыхать буду, но не стану этого делать», — решила я и равнодушно отвернулась, закрывая глаза.

— Эй, ты чего, девка. — Носок сапога пнул меня в бедро. — Небось решила, что проще подохнуть? Это я завсегда, только вот начальство не одобрит. Радуйся, ведьминская погань, поживешь еще.

С этими словами он схватил меня за волосы и, с силой развернув лицо, вставил горлышко фляги в приоткрытый рот. Я пила жадно, опустошая воду, явно набранную из ледяного родника совсем недавно. Когда последние ее капли оказались во мне, я перевела взгляд на мужика.

— Конечно, поживу, — хрипло протянула я, глядя на него из-под ресниц. — Чтобы вырвать твою глотку и скормить бездомным псам.

Инквизитора моя угроза не впечатлила. Наоборот, он как-то весело хмыкнул, словно я сказала нечто забавное.

— Ну, пока этого не произошло, псы поголодают. Поголодаешь и ты.

С этими словами он развернулся и, весело насвистывая, направился прочь, оставляя злосчастную корку хлеба лежать в каком-то метре от моего лица. К утру следующего дня ее подчистую сгрызли мыши прямо на моих глазах.

Инквизитор приходил каждый день. В следующий его визит я удостоилась еды, которую мой скукожившийся желудок принял с благодарностью. Перебоев с водой, к счастью, больше не было. Мою подстилку сменили, вытащили судно, предусмотрительно оставленное моим палачом, а меня саму вывели в лесок, где под внимательным взглядом мужчины я смогла справить нужду.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу. Это слово крутилось в моей голове снова и снова, пока меня заводили обратно в «убежище». Меня трясло от одного только вида этих стен, хотелось спалить их до основания.

Инквизитор почти не разговаривал, лишь отдавал команды, угрожал, оскорблял. Моя ответная тишина, судя по всему, его настораживала. Очевидно, все пленные ведьмы вели себя как-то иначе.

Лишь один раз он попытался спросить мое имя, но я не посчитала нужным удостоить его ответом. Я вообще старалась абстрагироваться от происходящего — оно настолько не укладывалось в голове, что проще было притвориться, что все происходит не со мной.

Хуже всего то, что я не имела ни малейшего понятия, как долго это продлится и что последует дальше. Эйдена не было уже пару недель. Время слилось для меня в сплошную полосу мучительно-

го ожидания, и единственное, что все еще связывало меня с реальностью, — крошечные царапины, что я делала ногтями на стене, отмечая каждые пережитые сутки.

Мне уже начало казаться, что младший принц забыл о моем существовании, когда в один из дней я наконец-то услышала его голос.

— Спасибо, Фред. Дальше я сам, — раздалось снаружи убежища, заставляя меня привстать на лежанке. Я больше не была прикована к ней ничком, но и свободы передвижения не имела. Инквизитор, что присматривал за мной все это время, милостиво удлинил поводок ровно до того, чтобы я могла беспрепятственно пользоваться принесенным ведром.

Дверь распахнулась, вынуждая меня сощуриться от яркого дневного света — ставни все это время были закрыты. Эйден едва заметно поморщился: то ли от запаха, то ли от моего вида. Если не считать вылитое на меня ведро холодной воды, водные процедуры я не видела уже больше двух недель.

Я ожидала очередного потока унижений, с которых начинался каждый визит инквизитора, но их не последовало. Эйден вообще старался на меня не смотреть, словно меня тут не существовало.

Он подошел к окнам, принимаясь распахивать ставни. Свет и воздух наполнили собой пространство, напоминая мне, что я все еще жива.

Я смотрела на него не отрываясь, ожидая подвоха в любой момент. Звонкие птичьи трели действовали на нервы, только усугубляя мою нервозность.

— Фред сказал, что твои раны зажили, — произнес он, когда ожидание достигло апогея. Я склонила голову набок, пытаясь припомнить, когда это Фред беспокоился о моих ранах. Это где-то между бросанием в меня едой и пинками в живот от скуки?

Запястья под оковами так и были разодраны до мяса — я ни на день не прекращала попыток освободиться от них. Но говорить я об этом, конечно, не буду — вдруг благородный инквизитор решит, что я жалуюсь.

Мое молчание было воспринято неоднозначно. Эйден тяжело вздохнул и приблизился ко мне. Присел на колени, заглядывая в мое лицо, частично закрытое грязными волосами.

— План такой, — объявил он, пытаясь поймать мой взгляд, что теперь был направлен куда угодно, но не на него. — Приведем в порядок тебя и этот угол, а потом поговорим.

— Разве у нас еще остались темы для разговоров?

— Больше, чем ты думаешь.

Его голос звучал твердо, как у человека, что потратил много времени на размышления и принял какое-то решение. Хотелось ответить грубо, но я сдержалась: судя по всему, настроение у него хорошее, раз мне сегодня под ногти еще не вгоняли иглы.

Впрочем, мой ответ ему не был нужен. Он не спрашивал, а сообщал. Спустя всего минуту он принялся за работу. Было странно и непривычно видеть младшего принца, оттирающего пол и стены хижины рядом с тем местом, где меня держали последние дни.

Я молча наблюдала за этим процессом из другого угла комнаты, куда меня разместили, выдав воду и провизию. Цепь все еще была на мне, ослабленная до предела. Думаю, что если бы захотела, то могла бы все помещение обойти безо всяких проблем.

Не знаю, где Эйден был все эти дни, но кредит доверия ко мне явно вырос. Возможно, зря, потому что я никак не могла выбросить из головы настой-

чивое желание накинуть эту самую цепь ему на шею и сдавить изо всей силы. Останавливало только то, что наши физические силы неравны: Эйден и в моем настоящем имел развитую мускулатуру, а здесь и вовсе выглядел так, словно целыми днями только и делал, что упражнялся.

Если откинуть все, что произошло, то наблюдать за ним было даже приятно. Верх рубашки расстегнут, обнажая мощную грудь, рукава закатаны до локтей.

«Должно быть, сейчас мы ровесники», — промелькнула мысль.

Младший принц трудился до самого заката, очищая и обустраивая мое место. Вместо охапки сена он расстелил на полу матрас и одеяло, взятые из жилой половины комнаты.

После выставил на улице кадку и в несколько заходов наполнил ее водой — ледяной, родниковой, но я бы залезла сейчас хоть в замерзшее озеро, чтобы смыть с себя всю эту грязь.

Когда подготовка завершилась, меня вывели на улицу. Солнце почти село, лишь его последние лучи окрашивали верхушки деревьев алым. Дневной зной отступил под напором свежего ветерка.

Накрутив свободный конец цепи себе на руку, Эйден принялся разрезать на мне платье. Простое, серое — именно его принес мне отец в ту злополучную ночь, когда началось вторжение далмарийцев. Те события поблекли, словно происходили не со мной. Да и не было смысла их хранить — то будущее исчезло, и надеюсь, что безвозвратно.

Под платьем оказалась шелковая сорочка — единственное имеющееся на мне доказательство, что я не простолюдинка. Возможно, именно из-за моего одеяния Эйдену было особенно сложно поверить, что я наследница древнего рода.

С сорочкой было покончено еще через несколько секунд. Эйден пропустил струящуюся ткань сквозь пальцы, словно что-то ища.

— Инициалы королевской портнихи, — пояснил он в ответ на мой вопросительный взгляд и продемонстрировал вышитые золотом буквы, что раньше я не замечала. Пожала плечами, стараясь не думать о том, что стою перед инквизитором почти голая. Хотя какая ему разница. От меня разит за версту, да и вряд ли *этот* Эйден способен увидеть во мне женщину.

Холодный ветерок коснулся обнаженной кожи, заставляя ее покрыться мурашками. Я поежилась, когда Эйден с кинжалом в руках приблизился ко мне. Перед глазами вновь предстало видение: я с короной на голове лежу у него в ногах, в моей груди кинжал, глаза пусты и безжизненны.

Сердце заколотилось как бешеное.

Последнее резкое движение, и мое нижнее белье падает на траву. Озноб пронзал мое тело, и я не знала, что именно было его причиной: то ли прохладный ветер, то ли мой страх. Я боялась неизвестности и того, что должно было случиться.

Ненавидеть мужчину рядом со мной сейчас очень просто. Я не могу воспринимать Эйдена как... Эйдена. Без наших общих воспоминаний передо мной — абсолютно чужой человек.

Из хороших новостей: причинив ему боль, я отомщу одновременно обоим. Разве не замечательно?

Вот только как это сделать? Уверена, от этой его версии не стоит ждать снисхождения, если мои намерения станут слишком очевидны. Интересно, могу ли я изменить его будущее? Или, что даже важнее, свое?

Стараясь не смотреть на него, я залезла в бадью, стуча зубами от стресса и холода. Кусок мыла

нашелся рядом прямо на земле, с налипшими на него травинками.

Мыться было неудобно — мои руки по-прежнему оставались скованы. Я сидела в воде до дрожащих рук, но мне все было мало. Я терла тонкую кожу так яростно, словно это могло стереть воспоминания последних дней. Вода потемнела, смешавшись с грязью и кровью. Следуя моим резким движениям, цепь методично звякала о деревянный борт кадки.

— Достаточно. Не хватало еще, чтобы ты слегла с легочной болезнью, — раздался за спиной голос Эйдена. Все это время я старательно делала вид, что его здесь не существует, хоть и чувствовала неотрывный взгляд.

— С каких это пор тебя беспокоит, сдохну я или нет? — клацая зубами, спросила я, даже не поворачиваясь в его сторону.

— С тех самых, как решил, что ты говоришь правду. Повернись, сполосну тебя чистой водой.

Язвительный ответ застрял в горле, когда на меня вновь обрушилось ведро ледяной воды. Не чувствуя ног, я выбралась из кадки и тут же оказалась завернута в тонкую простыню. Ткань моментально намокла.

Придерживая под локоть, Эйден повел меня в дом. Усадил на кровать, кинул рядом чистые вещи. После вновь зафиксировал конец цепи в специальном креплении на стене, оставляя мне некое пространство для передвижений — не больше нескольких шагов.

Выгулял псину. Помыл псину. Посадил обратно на цепь. Я крепко сжала зубы, борясь со вспыхнувшей внутри злостью.

— Одевайся. — Включив светильник, Эйден вышел на улицу и прикрыл за собою дверь. Я услышала плеск воды, а затем удаляющиеся шаги. Ушел насовсем?

Трясясь от холода, я быстро промокнула тело материей, а затем развернула сверток с одеждой. Простое бежевое платье и мужская рубашка вывалились на кровать. Едва сгибая пальцы, я надела на себя платье с завязками на плечах. Затем завернулась в рубашку и одеяло.

Блаженное тепло разнеслось по телу, и я наконец-то смогла расслабить напряженные мышцы. Спустя несколько минут глаза начали закрываться сами собой. Я почти провалилась в сон, когда услышала снаружи шаги, а затем плеск воды. Кажется, Эйден все же вернулся и теперь сам решил устроить водные процедуры.

Я не ошиблась — младший принц показался всего через десять минут. Штаны намокли, на торсе блестели капли воды. Я проводила его взглядом до самого спального места, где он принялся вытираться и искать чистую одежду.

Я рассматривала его без капли стеснения. После всего того, что со мной тут происходило, стыд и подобные чувства, казалось, почти полностью исчезли из палитры моих эмоций. Пусть лучше их испытывают эти гребаные инквизиторы!

— О чем ты хотел поговорить? — произнесла я, чтобы хоть чем-то заполнить тишину.

Эйден ответил не сразу. Сначала надел чистую рубашку, подошел ко мне и сел на пол, внимательно рассматривая. Я угрюмо рассматривала его в ответ, пытаясь прочитать на его лице, что же он задумал.

К сожалению, в этом возрасте он уже в совершенстве научился скрывать эмоции — мне только и оставалось гадать, какие мысли крутятся в его голове.

— Ты определенно выглядишь как Ассия, — сделал он вывод. — Я ездил в Дисгат, чтобы встретиться с наследницей.

Я на мгновение растерялась. С Эйденом в этом возрасте я не встречалась — уж в этом я точно уверена.

— Забавно, что я этого не помню. Следил за маленькой девочкой, словно извращенец?

— Не совсем. — Он помедлил, прежде чем продолжить. — С тобой не случалось ничего... плохого в возрасте двенадцати лет?

Я задумалась на пару мгновений. Как среди сплошной череды плохого выудить именно нужные ему воспоминания? В каком возрасте добрые селяне начали пытаться меня убить?

— Конкретнее. Я, знаешь ли, до утра могу перечислять, — сказала и осеклась, потому что одно воспоминание встало перед глазами особенно ярко. У меня даже невольный смешок вырвался. Спустя пару мгновений я уже хохотала как сумасшедшая, догадавшись, о чем он спрашивает.

Эйден пережидал мою истерику с невозмутимым выражением лица.

— Только не говори, что это был ты! — утирая выступившие от смеха слезы, произнесла я, слегка успокоившись. — Меня похитили и пытались... — Я никак не могла выдавить из себя то самое слово, словно ужас, который я пережила в столь юном возрасте, все еще жил внутри меня.

— Продолжай, — мягко попросил Эйден.

— Их было двое. Один низкорослый и лысый. Второй — со светлыми волосами и водянистыми глазами. До сих пор помню, как смотрела в них и мечтала вырвать их из глазниц.

— Ты пыталась использовать силу... — продолжил он, давая мне ясно понять, что угадала я правильно.

— Верно. Но потом появился третий. Я сначала подумала, что они заодно, пока он не начал их рубить. — Я усмехнулась и посмотрела ему прямо